

КОНСТАНТИН РЯБЕНЬКИЙ

ОТЧИНА

Валерию Кириллову

Валерий! Разверни меха баяна,
как делаешь ты это постоянно,
когда застолье будоражит дом.
И спой мне песню о земной печали,
как матери нас в трудный год рожали...
Спой от души о близком, дорогом.
Пусть Западной Двины седые воды
напомнят нам о таинствах природы,
о святости родного уголка.
Пусть Андреаполь крылья расправляет
и синь озер вокруг благословляет,
где память о народе глубока.
Я тоже болен отчиной своею.
Перед лицом ее благоговею,
рад на коленях землю целовать.
Земля отцов в меня вливает силы
и будет щедро, до самой могилы,
небесную дарить мне благодать.
Мой Вышний Волочёк, твой — Андреаполь,
за них мы выпьем, грохнем стопки на пол,
у отчины — особенная статья.
Валерий! Мы с тобой козлы тверские,
а на таких — и держится Россия!
Нам воспевать ее и защищать.

ПРАВОСЛАВНАЯ ОСЕНЬ

Давно в лугах отсенокосили.
В путь собираются грачи.
Иконостас червонной осени
льет в душу теплые лучи.
И что-то чистое, щемящее
под самым куполом небес,
как ощущение в храм входящего,
меня влечет в багряный лес.
И я вхожу с любовью, с робостью
и замираю перед ним,

как перед самой жуткой пропастью,
где в даль прыжок необходим.
Я на себя знаменье крестное
кладу дрожащею рукой
и улетаю в неизвестное
и неиспытанное мной.
Душа к Познанию вечно тянется,
что там за лесом, за холмом?
Иконостас лесной багрянится,
я осеняю лоб перстом.
И пробираюсь к дому просекой.
Что я могу ответно дать?
Иконостас горячей осени
дарует сердцу благодать.

ДУХ БРЕВЕНЧАТОЙ ИЗБЫ

Чуть светает.
Встала по старинке,
принесла водицы из реки.
Натопила молока нам в кринке,
испекла нам чудо-пирог!
Мы проснулись —
и глазам не верим:
скатерть-самобранка на столе.
Солнышко заглядывает в двери.
Курицы копаются в земле.
Бабушка нас потчует и тихо
оправляет пряжей седину...
Только что — переломили лихо.
Только что — осилили войну.
Сын и зять
вернулись с победой,
и — попёрли внуки, как грибы...
А на лето все в деревню едут.
Тянет дух бревенчатой избы
да тепло душевное,
да поле,
да река,
да ягоды в лесу...
Век дыши — не надыхаться вволю,
а глазам — не выпить всю красу.

г. Вышний Волочёк

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

* * *

Какие ветры здесь, на пустыре!
Закрывать лицо и не убрать ладони.
Стоишь один на преданной земле,
И нет тоски страшнее и бездонней.

Ты в этой заскорузлой пустоте
Стоишь один на целом Божьем свете.
И на последней траурной черте
Всё ждешь звезду в крошечной темноте —
В Дамаске, Вифлееме, Назарете,

Калуге, Туле, Курске, Костроме,
Семенове, Ветлуге, Арзамасе...
Подумаешь — в своем ли ты уме?
И вспомнишь о суме да о тюрьме,
О боли, нищете и смертном часе.

* * *

Если б я только знал, что всё будет так,
Если б я тоньше чувствовал нить событий,
Я б не сжимал в руке ледяной пятак,
Я бы смелей смотрел в Гефсиманский мрак,
Был бы Фаворский свет ярче всех наитий.

Если б я только знал, что моя стезя
Будет темнее русских ночей беззвездных,
Знал бы, чего говорить мне никак нельзя,
Если б я точно знал, кто мои друзья,
Я бы прожил не так... да теперь уж поздно.

Если б я только знал, что всё будет так,
Что не рассеют строчки крошечный мрак,
Если грядет вселенская катастрофа.
Не оттого ль щеглы на ветвях твердят
Этот кристально-чистый словесный ряд:
Родина, Звезды, Вселенная, Тьма, Голгофа...

* * *

Этот снег неотвязен и колок.
Отчего ж этим снегом живу?
Как не счислить у елки иголок,
Так не счесть и твоих оговорок,
Сильных истин, снежинок во рву.

В декабре бронзовеет пространство,
Где ни жалости нет, ни любви.
Снеговое мое государство,
Хохломское мое тарабарство,
Гуттаперчевый дом на крови!

Здесь мы в детстве в войнушку играли,
Здесь Чапаев в Урале тонул.
Здесь мы правильный путь потеряли,
И теперь нас узнает едва ли
Криворотая стая акул.

Здесь луны золотушный осколок
Поглотила живая вода.
Этот снег — неотвязен и колок,
От него не уйти никуда.

г. Нижний Новгород

ЮРИИ ФАНКИН

ФАТЬЯНОВСКАЯ ГАРМОНЬ

Каждый раз на летнюю Поляну
Прихожу, как путник на огонь...
Алексей Иванович Фатьянов,
Где твоя любимая гармонь?

Где твои знакомые “орлята”,
Те, что стали для врага грозой?
Где твои ровесницы-девчата
И паром за клязьменской косой?

Поиссякли песенные жилы,
Порвалась на женских бусах нить...
Время многих сильно изменило,
Но тебя не в силах изменить!

Пусть друзей Поляна собирает
И спешит на праздник молодежь...
Верю я: гармошка заиграет,
И с небес ты тихо подпоешь!

КОСТЕР

Еще душа не завершила требы,
Не прервалось дыхание свечи...
Под куполом божественного Неба
Горит костер — и в сердце, и в ночи.

Пылай, костер, как полыхал ты прежде,
Чтоб отступали мрак и суета...
Еще не весь перегорел валежник,
И есть еще в запасе береста.

Гори, костер, чтоб осень не померкла,
И согревай нас, смертных, до утра...
Погаснешь ты, но и под грудой пепла
Найдется жар для нового костра.

РУССКОЕ ПОЛЕ

На селе, где почту не приносят
И дома заброшенные сплошь,
Близ лугов, которые не косят,
Поднялась, заколосилась рожь.

Заиграла светлою волною...
Но кого благодарить за труд? —
Эту рожь не сеяли весной
И к зиме теперь не уберут.

Под дождем и знойным обогревом
Сохранило поле древний род:
Золотые зерна самосевом
Прорастают уж который год.

г. Муром

ГЕОРГИЙ КУЛИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛОКА

*В чёрное небо Италии
Чёрной душою гляжусь.
Александр Блок*

В тесноте безысходной печали,
В белом пекле, где всё гноит,
Небо чёрное мёртвой Италии
Душу чёрную так слепит!

И пора — видит Бог! — во спасение
Её очи плотней смежить.
А дороги стальное пение
Да поможет душе ожить!

Да поможет ей та — далёкая,
С тем же именем (Ксюша, пой!),
Первой страсти мечта синеокая:
Гений первой любви надо мной.

Он простился со мною в Вержболове:
Взор любовницы прянул прочь.
Но кружило, как прежде, голову...
Я, отверженный, канул в ночь.

Пробудился у Двинска... До Режицы
Ехать долго... Да что в ней нам!
Та же слякоть и тучи-беженцы,
Дождь, платформа, вокзал, жандарм...

Тучи медленно расступаются...
Но сжимается сердце... Мчусь!
Здравствуй, матушка! Долго ль маяться
Вместе нам с тобой? Здравствуй, Русь!

ДИПТИХ

I

Звали б райскими русские тропы,
Да прогоркли в слезах матерей.
Из окна карнавальной Европы
Не узреть нищеты пустырей.

Вниз возносит ли, падает ввысь ли...
Сколь ни тщись, глубины не подъять:
Что Господь о России замыслил,
Попустив процвести и распясть.

II

Все потуги смешны и убоги —
На авось, как-нибудь, кое-как:
На исконной российской дороге
Не стоит европейский большак.

Не постигнуть ни страхом, ни глумом,
Ни великим умом эту дичь.
Что Господь о России задумал —
Никому и ничем не постичь.

г. Малоярославец

МИХАИЛ ЖУТИКОВ

* * *

Ю. Смолину

Месяц взошел. Над землей словно дым,
Звезды, как брызги с пера.
Что из того, что ты был молодым,
Может быть, только вчера?

Было — что ночью такой не заснуть,
Нежил весенний угар.
Что из того, что ты хочешь вернуть
Треньканье этих гитар?

На оживление мирной гурьбе,
В розовом лоске ветвей,
Что из того, что сдается тебе —
Ночи те пахли нежней?

Пахли мечтами, чьим был нестерпим
Чарам удел поостыть —
Что из того, что совсем не таким
Было назначено жить?

В мире, что чары извел и изжил,
Сам что истаял, изжит —
Что из того, что ты рвался из жил
И пропадал, и убит?

Месяц взошел. Над землей словно дым,
Звезды, как брызги с пера.
Все ж не убитым ты был, молодым,
Может быть, только вчера.

Москва

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНИНА

ДИКИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Память крючьями острыми
Тащит в объятия тьмы.
В дикие девяностые
Лиха хлебнули мы.

Речи лились заманчиво,
Крылья росли — дерзки.
Но уходили мальчики
После Чечни — в “братки”.
Ваши “морали” — мелочи.
Бизнес доступен всем!
Стройные интердевочки —
Члены ВЛКСМ.
Мельницы били крыльями
В наглой своей красе.
Разом деревни вымерли.
Встали заводы все.
Ваучеры песочные,
Громкие имена.
Сумочки-то челночные
Помнишь, моя страна?
Верить совсем не главное,
Главное — видеть суть.
Водку нальют халявную,
Только проголосуй!
Выдюжили? Нет, выжили.
Видно, крепка кишка.
Эх, олигарху рыжему
Черти намнут бока.
Что ж тут творилось, Господи?
Боль, беспредел, беда.
Дикие девяностые,
Огненная вода.

НА БЕРЕГУ

На берегу медлительной реки
Ловлю мгновенья северного лета.
Стрекочет полдень. Травы высоки.
А завтра день — такой же, как и этот.
На берегу медлительной реки
Застывшие, как бронзовые Будды —
Два местных Чингачгука — рыбаки,
Забывшие о времени как будто.
На берегу медлительной реки
Скользят стрекозы у моей руки.
Течет в прохладном зеркале молчание.
Спят облака, упавшие на дно.
Повсюду и во всем растворено
Свободы равнодушное дыхание.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ПАМЯТЬ

Отец шагнул в родимый дом
Из огненного круга.
Четыре года сын с отцом
Не видели друг друга.

